

Мария Викторовна Назукина
Институт гуманитарных исследований
Уральского отделения РАН
г. Пермь, Россия
E-mail: nazukina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0190-0513
SPIN-код: 6543-3557

Ресурсы региональной идентификации в контексте развития российской идентичности¹

Аннотация. В статье анализируется состояние региональной идентичности в современной России. Автор делает вывод о значимости укоренения идентитарного дискурса в регионах как ресурса развития страны. Показано, что российские регионы демонстрируют процесс интеграции проблематики идентичности в управленческие практики. Основу этого составляют: трансляция регионалистского дискурса через культивирование специфики региона; осмысление и характеристика особенностей сообщества на основе общих ценностей, активное позиционирование и защита регионального интереса. Предложено понятие «институционализация региональной идентичности», предполагающее формирование устойчивых и стабильных ценностных систем, а также социальных практик. Определяются три направления процесса институционализации региональной идентичности: нормативное (позиционирование и нормативное закрепление региональной специфики и ее артикуляция в политических курсах), нарративно-мифологическое (присутствие региональной идентичности в доминирующих нарративах и мифологемах региона), символическое (символизация и переход региональной специфики в символику, названия регионов, топонимику, праздники, брендинг, пантеоны региональных героев и т.д.). Выход на уровень стратегического и системного видения политики идентичности на основе данных направлений формирует благоприятную основу для использования идентитарных ресурсов в развитии регионов и страны в целом.

Ключевые слова: трирегиональная идентичность; российская идентичность; институционализация; политика идентичности; развитие; бренд региона

---

¹ Исследование базируется на диссертационной работе автора (Назукина 2025).

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания (тема № 124021400020-6, «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерения»).

Активное развитие интереса к проблематике идентичности обусловлено стратегической значимостью этого нематериального ресурса для любых социальных систем (Семененко 2011; Семененко 2023). В условиях современных геополитических вызовов, социально-политических и технологических трансформаций формирование и укрепление российской идентичности становится ключевой задачей. Региональная идентичность занимает важное место в структуре общегражданской идентичности. Она берет свои истоки в социальной общности с населением, связь с которым основывается на общем месте проживания (Brigevich 2016 и др.). Авторский подход к концептуализации понятия заключается в том, что региональная идентичность определяется как комплекс символических и идейных установок и смыслов, связанный с процессом интерпретации регионального своеобразия (регионалистский дискурс), через который уникальность региона приобретает осязаемые черты в образах, символах и мифах, разделяемых членами регионального сообщества (Назукина 2017: 508).

В 1990-е годы социологические исследования выявили тенденцию к преобладанию самоидентификации россиян как «жителей своего региона». Данные ВЦИОМ показали сокращение числа тех, кто идентифицирует себя как «россиянин», и увеличение числа тех, кто ощущает себя частью своего региона, города или поселка². Опрос ФОМ в 1998 г. показал, что 35 % опрошенных в первую очередь чувствовали себя жителями своего региона, 29 % – гражданами России, 22 % имели смешанную идентичность. Более поздние исследования подтверждают этот тренд, фиксируя либо доминирование региональной идентичности, либо ее равнозначность с общенациональной³. Опрос

---

² Данилова Е. Проблемы социальной идентификации населения постсоветской России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1997. № 3. С. 14.

³ ФОМ-ИНФО. Еженедельный бюллетень. Москва, 1998. № 27 (222).

ЦИРКОН в 2012 г. выявил значимость низовых уровней территориальной идентичности. Оказалось, что Россия лидирует среди 10 стран бывшего СССР по уровню локальной идентичности. При общем доминировании общероссийской идентичности более высокие показатели региональной идентичности продемонстрировала республика Татарстан (24 % при ответе на вопрос «Кем Вы лично в первую очередь себя ощущаете?» отметили «жителем своего региона», 35 % «жителем своего города, района» и 34 % – «гражданином России»)⁴.

В 2020 г. по заказу Министерства науки и высшего образования РФ было проведено исследование, которое оценивало гражданско-патриотическое воспитание детей и молодежи. Респондентам предлагалось выбрать, кем они себя ощущают в большей степени. Результаты показали, что общероссийская идентичность («гражданином России») доминирует (51 %), за ней следует «членом своей семьи» (16 %), «гражданином мира» (13 %), «жителем своего города, района» (10 %), и по 5 % выбрали «жителем своего региона» и «представителем своего народа»⁵. Исследование выявило регионы, где региональная идентичность оказывается значительно сильнее локальной. К таким регионам относятся: Республика Ингушетия (15,63 %), Республика Саха (Якутия) (12,18 %), Ненецкий автономный округ (11,66 %), Карачаево-Черкесская Республика (11,11 %), Алтайский край (10,17 %) и Томская область (10,00 %). В целом, несмотря на ограничения, связанные с методикой проведения данного опроса

---

⁴ Территориальная идентичность на постсоветском пространстве, 15.03.2013 // ЦИРКОН. Пресс-релиз. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/222/PR_territorialnaja_identichnost_na_PSP_15-03-13.pdf (дата обращения: 02.09.2025).

⁵ Мониторинг деятельности субъектов Российской Федерации по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи, в том числе анализ эффективности реализации программ субъектов Российской Федерации по патриотическому воспитанию граждан и оценка эффективности использования объектов, предназначенных для военно-патриотического воспитания и подготовки граждан к военной службе, включая образовательные организации, спортивные и спортивно-технические объекты // Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Центр современных образовательных технологий». URL: <https://centersot.ru> (дата обращения: 02.09.2025).

и целевым фокусом на молодежные группы, показательно преобладание общероссийской идентичности.

Внешние вызовы, с которыми Россия столкнулась в последние годы, актуализировали вопрос о сохранении и развитии общероссийской идентичности и дополнили его новыми смыслами. Пандемия коронавируса и санкционное давление со стороны западных стран консолидировали российское общество и тем самым усилили значимость общероссийской идентичности. В период пандемии это проявилось, например, в создании и работе всероссийского массового волонтерского движения «МыВместе», а в условиях санкций — в активном участии граждан из разных регионов страны в гуманитарной помощи жителям Донбасса и освобожденных территорий. С другой стороны, внешние вызовы усилили самостоятельность российских регионов: Владимир Путин наделил губернаторов дополнительными полномочиями, чтобы обеспечить эффективность управления разными региональными контекстами. Можно предположить, что усиление самостоятельности в свою очередь актуализировало значимость региональных идентичностей. В пользу этого аргумента свидетельствует и, например, курс на импортозамещение, повсеместно и последовательно реализуемый на уровне субъектов федерации. Так, например, региональные акции, призванные поддержать местных производителей («Покупайте Пермское!» и т.п.), в своем основании содержат, прежде всего, региональную идентичность.

Современные российские регионы демонстрируют устойчивую тенденцию по включению проблематики идентичности в управленческую сферу. Это приводит к усилению значения практик конструирования региональной идентичности как одного из инструментов развития территории. В ряде случаев это приводит к выделению данного направления в самостоятельную сферу, базирующуюся на специализированной нормативной основе, направленной на развитие региональной идентичности. Примером является концепция сохранения и развития идентичности в Ульяновской области до 2030 г. Указанный процесс, по нашему мнению, может быть обозначен как «институционализация региональной идентичности», что подразумевает обретение ценности и устойчивости регионалистского дискурса о специфике региона и сообщества

в рамках политического курса, ориентированного на формирование, поддержание региональных порядков и публичное признание региональной идентичности (Назукина 2025: 25). Государственная политика играет решающую роль в этом процессе (Castells 1997), создавая и поддерживая долгосрочные нарративы, которые формируют региональную и национальную самоидентификацию. Это помогает людям определить, кто мы, а кто другие и как мы к ним относимся. Когда идентичность обретает институциональные формы, она становится основой для упорядочивания «картины мира» и разрешения конфликтов. Таким образом, формирование идентичности и ее институционализация – это динамичные, взаимосвязанные процессы, которые развиваются вместе и усиливают друг друга. Возникает исследовательский вопрос: как региональная идентичность становится ресурсом развития страны?

Анализ специфики артикуляции регионалистского дискурса в современной России показывает, что региональная самобытность и уникальность проявляется не только в характеристиках, но и в активных действиях, направленных на достижение целей и амбиций региона. Эти цели могут быть разнообразными: получение экономических или политических преимуществ в борьбе за ресурсы, развитие сотрудничества с другими регионами, символические дивиденды и пр.

Можно выделить несколько направлений артикуляции регионалистского дискурса. Во-первых, он связан с продвижением особенностей региона: историко-культурной, экономической, природно-географической, политической и иной специфики, которые активно акцентируются при характеристике территории. При этом экономическая уникальность, к примеру, может интерпретироваться через набор статусов и амбиций, ассоциирующихся с регионом («мощнейший центр», «регион-лидер», «территория инноваций»), а также через конкретные характеристики, которыми описывается уникальность «нефтяной», «индустриальный» и пр.

Второе направление артикуляции регионалистского дискурса – подчеркивание особенностей жителей территории, то есть регионального сообщества. В частности, важными для интерпретации внутренних характеристик оказываются наличие наименования регионального сообщества, рассуждения

вокруг понятий, связанных с региональным характером, менталитетом и пр. (например, тюменский характер); наличие персонафикаторов и культурных героев, их цитирование и др. Показательный фрагмент такого рассуждения – это Послание губернатора Тюменской области за 2019 год: *«Первый такой ресурс – стойкость. Я говорю о свойстве тюменского характера, выкованном в героические времена первопроходцев... Второй ресурс – смекалка. Это тоже в нашем характере, в нашей крови – способность находить нетривиальные, дерзкие, новаторские решения, умение сойти с накатанной колеи и решительно двинуться в неизведанное»*⁶.

При этом региональная идентичность в современной России не существует в вакууме, а тесно переплетается с этническими (например, принадлежностью к славянскому, или тюркскому «мирам»), конфессиональными (православным, исламским, буддистским «мирам») и историческими (например, ощущением себя частью «постсоветского пространства») факторами. Важно, что каждый из этих компонентов может иметь разный вес и значение для индивида или группы, когда они пытаются понять и определить уникальность своей историко-культурной идентичности.

Если первые два направления помогают определить, как сообщество воспринимает свой регион и свою идентичность, то третий аспект позволяет оценить активность и самостоятельность региональных акторов в защите интересов и продвижении имиджа региона. Использование метафорических выражений, подчеркивающих уникальность и амбиции региона (например, «Казань – третья столица России», «Вологда – молочная столица России» и др.), служит инструментом для символического диалога с федеральным Центром с целью получения дополнительных ресурсов, а также для конкуренции с другими регионами.

На наш взгляд, присутствие указанных маркеров региональной идентичности и их институционализация может

---

⁶ Послание губернатора Тюменской области А.В. Моора Тюменской областной думе «О положении дел в области» 2019 год, 21.11.2019// Органы государственной власти Тюменской области : Официальный портал. URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/gov/governors/interviews/more.htm?id=11810694@cmsArticle (дата обращения: 25.09.2025).

происходить на трех основных уровнях политики идентичности: нормативном (позиционирование и нормативное закрепление региональной специфики и ее артикуляция в политических курсах), нарративно-мифологическом (присутствие региональной идентичности в доминирующих нарративах и мифологемах региона), символическом (символизация и включение региональной специфики в символику, названия регионов, топонимику, праздники, брендинг, пантеоны региональных героев и т.д.).

Любые классификации регулируются на уровне дискурсов через политику правительства и могут быть формализованы в нормативно-правовых актах (см., напр.: Панов 2019). В данном случае институционализируется статус региона и его особость. Региональные акторы артикулируют регионалистские смыслы, определяя вектор конструирования особости территории. В целом, можно выделить следующие направления в нормативной институционализации региональной идентичности:

1. Акцентирование региональной специфики в ключевых государственных программах, стратегии развития, нормативных актах, связанных со стратегическим планированием развития региона, а также принятие решений и проведение политики на их основе;

2. Определение статуса региона в рамках федеративной системы, степень территориальной автономии;

3. Позиционирование региональных элит в связке с регионом (дискурс «свой»/чужой в официальных материалах (биографии, интервью)), значимость регионального фактора в кадровой политике (землячество, «москвовоборчество», роль «варягов» и т.д.);

4. Региональный компонент системы образования, научно-исследовательской сферы (краеведение, работа региональных музеев и пр.) и языковая политика;

5. Наличие и влияние регионалистских движений и организаций на региональную политику;

6. Региональная идентичность в предвыборном дискурсе («свой-чужой»).

Институционализация региональной идентичности в рамках политики идентичности предполагает использование разнообразных символических элементов, формируемых в ходе

конструирования идентичности. К символическому измерению институционализации региональной идентичности можно отнести включение признаков региональной специфики в символические атрибуты сообщества, географические названия, имена собственные (онимы), культурный ландшафт, памятники, монументы, различные ритуальные практики (например, празднование знаменательных дат) и др. Данный процесс проявляется через использование образов культурных героев, присвоение названий, визуальное оформление и дизайн городских пространств, а также брендинг.

Направления символической институционализации региональной идентичности в политике идентичности регионов РФ включают в себя:

1. Присутствие маркеров специфики региона в гербе, флаге, гимне, описании символики в законах о региональных символах;

2. Присутствие маркеров специфики региона в названиях объектов социальной и коммерческой инфраструктуры;

3. Наличие регионального бренда (новая геральдика), а также присутствие маркеров специфики региона в региональных брендах разного типа (например, туристических, производственных и др.);

4. Культивирование культурных героев, связанных с регионом: лидеры, звезды спорта, эстрады, национальные герои и пр.;

5. Определение региональных праздников и юбилеев.;

6. Участие региона в символических проектах, таких как «Россия 10», «Великие имена России» и др., актуализация и продвижение региональных символов в них.

Символическое направление призвано наглядно представить атрибуты уникальности сообщества, и оно тесно связано с нарративно-мифологическим направлением, которое акцентирует внимание на функции передачи исторической памяти у сообществ. Оно охватывает различные формы и способы представления прошлого, память сообщества, а также доминирующие мифологемы и ценности.

Нарративно-мифологическая институционализация приводит к осмыслению региональной специфики как базовой ценности и закреплению ее в общественном сознании. В рамках нарратива выделяется исторический нарратив, описывающий

генеалогию регионального сообщества и объясняющий его прошлое, настоящее и будущее. Нарративно-мифологическое направление представлено различными вариантами, например, мифом об особом народе или героях.

С точки зрения политико-психологического подхода ценности являются устойчивыми смысловыми доминантами в структуре политической идентичности. Они определяют образы «своих» и «чужих», характеризуют специфику региональных сообществ, фиксируют, что значимо для них на уровне культурного кода (Селезнева, Хугаев 2024). На уровне дискурса это проявляется как то, что объединяет и формирует границы.

Направления нарративно-мифологической институционализации региональной идентичности в политике идентичности регионов РФ объединяют следующие аспекты:

1. Исторические нарративы и мифологемы региона (традиции, легенды, народная культура и др.);
2. Местные верования и религия как важные аспекты характеристики регионального сообщества;
3. Позиционирование, туристические образы, презентация региона в официальном дискурсе и др.

Интересным примером значимости религии является Республика Калмыкия: «Буддизм – доминирующий идентификат этнической идентичности калмыков, не язык»⁷ – считают эксперты.

Одним из значимых нарративов российских республик выступает мифология «единения» с Россией, которая выражается в праздновании юбилеев «вхождения» в Россию. К примеру, региональная история прочно вписывает Удмуртию в российское пространство, свидетельство чему празднование 450-летней годовщины добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства, которое «стало объединяющим всех без исключения жителей республики праздником»⁸.

Безусловно, выделенные уровни и предложенная модель институционализации региональной идентичности в контек-

---

⁷ Экспертное интервью № 1. Элиста, 28.10.2015. Личный архив автора.

⁸ Волков А. Юбилей объединил всех жителей Удмуртии, 17.09.2008. URL: <https://www.izh.kp.ru/daily/24165/378131/> (дата обращения: 25.10.2025).

сте политики идентичности являются аналитическим конструктом. Важно акцентировать внимание на взаимозависимости каждого из элементов, поскольку очевидно, что процесс формирования символического атрибута неразрывно связан с его мифологизацией и последующим нормативным закреплением. Вместе с тем, понятие институционализации региональной идентичности в политике идентичности открывает новые горизонты для проведения сравнительных исследований политических процессов в регионах. Ключевым аспектом анализа выступает укорененность регионалистского дискурса в политическом курсе региона как фактора, значимого для поддержания регионального порядка.

Государство как ключевой актор политики идентичности отвечает за формирование базовых ценностных категорий, на основе чего конструируется содержательный фокус региональных ценностных моделей и определяются перспективные стратегические символические ниши регионального преимущества над «другими». В логике ресурсного подхода усиление интегративного дискурса на уровне глав регионов и ключевых региональных министерств. Интеллектуальная элита в реализации политики идентичности берет на себя функцию рефлексии по стимулированию дискурса региональной специфики, формированию интеллектуальных сообществ.

Представители региональной власти осознают идентичность ценным ресурсом и используют политику, основанную на ней, для стимулирования развития территории. Стратегии, опирающиеся на символические ресурсы и человеческий капитал, способствуют развитию туризма, улучшению городской инфраструктуры.

Во многом сегодня наблюдается ситуация диалога и коммуникации разных субъектов в сфере реализации политики идентичности. Возрастающая роль бизнес акторов в условиях внешних вызовов объясняется тем, что они активно реализуют запрос на импортозамещение и регистрируют региональные бренды. Интересным примером является Пермский кейс, когда под юбилей местный предприниматель зарегистрировал бренд туристического автобуса «Пермь 300» и стал активно развивать региональные экскурсионные маршруты. Причем, понимая важность темы, он активно взаимодействовал с региональными

экспертами, которые помогли определить базовые элементы пермской региональной идентичности для экскурсии.

Исследования показывают, что региональная идентичность способствует укреплению российской идентичности (см. напр.: Киреева и др. 2024). Она становится основой для объединения вокруг общих задач, активизации гражданской позиции и формирования чувства ответственности за будущее России, особенно среди молодого поколения. Одним из перспективных инструментов, с помощью которого можно эффективно встраивать разные уровни территориальной идентичности друг в друга, является брендинг, при котором регионы включаются в символический ландшафт страны через маркеры амбиций (столичности, центра и пр.). Значительный интерес для последующего анализа должны представлять исследования региональных брендинговых практик, которые формируют в общественном сознании систему смыслов, способствующую укреплению общероссийской идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Киреева И.В. и др. 2024. Брендинг регионов в укреплении российской национальной идентичности: эмпирический вызов и экспертный ответ / И.В. Киреева, Е.С. Куква, А.Ю. Шадже // Вестник Института социологии. Т. 15, № 1. С. 91–113. DOI 10.19181/vis.2024.15.1.5

Назукина М.В. 2017. Региональная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И.С. Семенов. Москва : Весь мир. С. 507–512.

Назукина М.В. 2025. Конструирование и институционализация региональной идентичности в современной России : дис. ... д-ра полит. наук. Пермь. 364 с.

Панов П.В. 2019. Структурные факторы институционализации этничности в политике «национальных республик» Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Политология. № 4. С. 5–18. DOI 10.17072/2218-1067-2019-4-5-18

Селезнева А.В., Хугаев З.Т. 2024. Ценностные основания политической идентичности в региональном, национальном и цивилизационном измерениях концептуальное осмысление и российский контекст // Социум и власть. № 4. С. 80–91. DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-80-91.

Семенов И.С. 2011. Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И.С. Семенов. Москва : Рос. полит. энцикл. (РОСПЭН). Т. 1: Идентич-

ность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий. С. 162–168.

Семенов И.С. (ред.) 2023. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Москва : Весь мир. 512 с.

Brigevich A. 2016. Regional identity and support for Europe: distinguishing between cultural and political social identity in France // *Regional & Federal Studies*. Vol. 26, № 4. P. 475–507. DOI 10.1080/13597566.2016.1223057.

Castells M. 1997. *The Power of Identity*. Oxford : Blackwell. 592 p.

Mariya V. Nazukina

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia. E-mail: nazukina@mail.ru

Resources of Regional Identity Formation in the Context of Russian Nation-Building

Abstract. This article examines the current state of regional identity in contemporary Russia, arguing that embedding identitarian discourse in the regions functions as a critical resource for national development. The study demonstrates that Russian regional governance increasingly incorporates identity-based strategies, manifested through: (1) the propagation of regionalist discourse by cultivating local distinctiveness; (2) the interpretation and definition of community traits grounded in shared values; and (3) the proactive advancement of regional interests. The author introduces a concept of “institutionalization of regional identity”, defined as the establishment of enduring value systems and social practices. Three key dimensions of this institutionalization process are identified: (1) normative, which covers the positioning and codification of regional distinctiveness in policy frameworks; (2) narrative-mythological, which considers integration of regional identity into dominant narratives and mythologized regional tropes; and (3) symbolic, which performs translation of regional specificity into tangible symbols, including toponymy, branding, commemorations, and pantheons of regional heroes. The study concludes that adopting a strategic and systemic approach to identity politics fosters a reliable foundation for using regional identity as a developmental asset, benefiting both local territories and the nation as a whole.

Keywords: regional identity; national identity; institutionalization of regional identity; identity politics; identitarian discourse